

2 ФЕВРАЛЯ

1929 г.

суббота

№ 27 (1539)

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РЕЧЬ И ДЕЙСТВИЕ

ЦВЕТЫ НЕВИННОГО ЮМОРА

Анекдот из отдела «Финтифлюшки»: управляющий имением одного помещика доложил своему барину, что на его землях охотятся соседи, и просил разрешения не допускать больше подобного своеволия.

— «Оставь, братец, — махнул рукой помещик, — мне много приятней иметь друзей, нежели зайцев».

Анекдот спешит за анекдотом. Одна «финтифлюшка» обгоняет другую. И вот в «юмористической» рецептуре — «Домашние средства» читаем такой совет избавиться от блох: «Женись. Все твои блохи перейдут на жену, так как известно, что блохи охотнее кушают дам, чем мужчин».

Все это напечатано в «юмористических» журналах за 1882—83—84 гг. Подумать только, — на протяжении трех лет страны «Стрекозы», «Будильники», «Весельчак», «Осколки» заполнены — сплошь! — подобными финтифлюшками! Какие печальные, какие унылые годы! И тот, кто вынужден был сочинять вот такие анекдоты, он не случайно изобразил уходящий 1883 год в качестве обвиняемого, который в своих объяснениях суду признался, что «в бытность его на земле» не было сделано ничего путного. «Выпускали ярлык нового образца для бутылок, клал латки на лохмотья, заставляли дураков богу молиться, а они лбы разбивали. Журналы были бессодержательны, в печати преобладал кукиш в кармане. Таланты словно в воду канули».

Но издевался над старым годом, автор в то же время не возлагал больших надежд на год грядущий. В другом месте, и по другому поводу, он же предсказывал, что в 1884 г. «будет осуществлено много ерундистских речей и плохих статей о водоснабжении. Московские поэты напишут много прочувствованных стихотворений по адресу спящих гласных, кассиров, тещ и рогатых мужей. Сивый мерин, скорбя о падении печатного слова, побьет палкой какого-нибудь «нашего собственного корреспондента». Торжествующая свинья, в видах поднятия общественной ответственности, порекомендует упразднить уличные фонари... В общем будут скачки о препитываемых, торжество крокодилов, вилт и выпивка».

Это уже не смешно. Это, своего рода, — «вопл души» человека, обязанного развлекать веселыми анекдотами неумывающих россиян!

И все это — и «финтифлюшки», и анекдоты, и невеселые пророчества, — написал ни кто иной, — как Чехов! Правда, это еще «не совсем» Чехов, это только Антошка Чехонте, появляющийся под разными личинами — то в качестве «Человека без селезенки», то в виде «Брата моего брата», то под псевдонимом «Рувер».

Но вот что замечательно: в то же самое время, когда постоянный поставщик «финтифлюшек» должен был угождать вкусам господ Лейкиных и писать об испорченных телефонах, дырявых мостовых, тараканах, запеченных в филипповских булках, пьяных купцах на Нижегородской ярмарке, бездарных актерах, злых тещах, обманутых мужьях и утопающих в грязи дачниках, — в это же самое время, и в тех же «Сверчках», «Осколках», «Отрекозах» и «Будильниках», — появлялись те маленькие рассказы, которые, как сказал один современник, «заблестали, подобно драгоценным алмазам, рассыпанным по черному бархату».

Да: — в это же самое время и в эти же самые годы, Антоша Чехонте написал «Хирургию» и «Смерть чиновника», «Дочь Албиона» и «Жалобную книгу». И уже восторженный вилеречивый старик Григорович, сочинивший когда-то «Антон Горемыку», умолял Антошу Чехонте бросить писать «мелочь», и заняться чем-нибудь серьезным. В Антоше Чехонте он угадывал Антошу Чехова.

Впрочем, Григорович был пока что в одиночестве, — «настоящая» критика его рачительных похвал по адресу автора «Финтифлюшек» не разделяла. Не предсказывал ли суровый Скабичевский в это же самое время, что писателю, выпустившему «Пестрые рассказы», уготована одна только участь — умереть под забором. На проверку — «пророчком» — оказался Григорович. Но не в этом дело, что у Григоровича оказалось больше художественной интуиции, чем у Скабичевского, а в том, что Скабичевский был по своему прав, говоря о «цветах невинного юмора», в чудовищном изобилии посаженных Антошей Чехонте.

И теперь, когда эти давно увядшие цветы вновь собраны (А. П. Чехов — «Несобранные рассказы». Собрал, пригласил к печати и снабдил примечаниями И. С. Зильберштейн. Изд. «Асадемия», 1929), они составили странный

букет, от которого давно уже улетел аромат даже того примитивного юмора, под знаком которого жила, вообще, вся юмористика 80-х годов.

И тем не менее, букет производит неожиданный и сильный эффект: раскрывается эпоха. Именно по этим «Стрекозам и мухам» — так назывался один из отделов одного из московских юмористических журналов — мы можем восстановить «жизнь прошедшего подлейшие черты».

Московский быт — быт обывательско-интеллигентской жизни, в которой малейшее проявление свободомыслия придалено тяжелым сапогом мрачнейшей реакции начала царствования Александра III, — этот быт глядит теперь на нас во всей своей печальной обнаженности.

Нет ничего безотраднее существования юмористических журналов той эпохи. Знаменитый Феотистов, — начальник главного управления по делам печати, категорически заявлял в те времена, что он против сатирических журналов, и не находит, чтобы они были необходимыми для публики. Такое заявление — директива для цензора. И чему удивляться, что лейкинские «Осколки» признаны «либеральными». Иными словами, их направление взято под подозрение. Лейкину запрещена розничная продажа. А что «Осколки» без нее? И вот редактор-издатель обращается со слезницей к своим сотрудникам, умоляя их писать осторожнее. А один из этих сотрудников — Чехов — пишет ему в ответ: «Думаю, что придется сокращаться бесконечно. Что дозволено сегодня, — из-за того придется с'ездить в комитет (цензурный) завтра, и близко время, когда даже чин «купец» станет недозволенным фруктом. Да, непрочный кусок хлеба дает литература, и умно вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось, и писалось».

Если купец, действительно, может стать фигурой в цензурном отношении, то остается сочинять «Финтифлюшки»! И надо удивляться силе таланта Чехова, который не весь ушел на лейкинскую юмористику, — что вот именно в одно и то же время мог Чехов писать и «Дочь Албиона», и анекдоты об офицере с «оторванными конечностями».

Да и не одни анекдоты все же удавалось иногда печатать в тех же «Осколках» или «Будильниках». Если внимательно читать мелочь за мелочью, сложившие теперь солидный томик в 500 страниц, то легко можно найти и подлинно сатирические стрелы Антоши Чехонте. Но все смеяться над этими

темами для дырявых мостовых. Можно зло поиздеваться и над вятчаником, и над чиновником-бюрократом, и над некоторыми особенностями русского правосудия. Все это делается, конечно, в инскаказательной форме. Например, в «Краткой анатомии человека» Антоша Чехонте дает такое определение затылку: «Нужен один только затылок на случай накопления недоимки. Орган для расхотевшихся рук крайне соблазнительный». Или о так называемых «минутках»: «орган, в науке неисследованный. По мнению дворников находится ниже груди, по мнению фельдегерей — выше живота».

Вообще, инскаказание — форма, в которой с особой охотой прибегает и «Брат моего брата», и «Человек без селезенки». И это уже совсем Чехов чувствуется в той инскаказательной характеристике российской интеллигенции, которая дана в трактате «Рыбье дело», где о «голове» читаем: «Рыбий интеллигент. Галантен, ловок, красив и имеет большой лоб. Состоит членом многих благотворительных обществ. Читает с чувством Некрасова, бранит шук, но тем не менее, поедает рыбешек с таким же аппетитом, как и щука. Впрочем, истребление пискарей и уклек считается горькой необходимостью, потребностью времени... Когда в интимных беседах его попрекают расхождением слова с делом, он вздыхает и говорит: «Ничего не поделаешь, батенька. Не созрели еще пискари для безопасности жизни, и к тому же, согласитесь, если мы не станем их есть, то что же мы им дадим взамен».

Так неожиданно «осколочный» юмор Антоши Чехонте начинает насыщаться почти что салтыковской желчью. И недаром так ценил Чехов Салтыкова — ценил в особенности за то, что никто, кроме Салтыкова, не умел так язвительно говорить о «сволочном духе среднего русского интеллигента». Именно это осмеяние и поставил Чехов Салтыкову в огромную заслугу.

И кто знает, — не будь вынужден Антоша Чехонте писать по заказу Лейкина свои «Финтифлюшки», — и имея он в качестве редактора не этого любима петербургского купечества, а того же Салтыкова или Некрасова, — не миновал ли бы он, вообще, «осколочную» пору своего писательства? Но эпоха была другая. Вот уже когда, действительно, бывали времена и хуже, но не было подлей. Поколению 60-х годов был дан «Гудок», «Свисток» и «Искры», а Чехову — всего-навсего «Стрекоза», «Будильник» и «Осколки»...

ЮР. СОБОЛЕВ.